

# ЧИТАЕТ ИГОРЬ

# ИЛЬИНСКИЙ

**А**ФИША возвещает: чтец такой-то исполнит произведение классики, прочтет современный роман, цикл стихов советского автора. Роман лежит дома на книжной полке, он прочитан, о стихах уже спорили и перестали спорить, классический автор давно разошелся на пословицы и цитаты. А человек все-таки спешит на вечер чтеца, чтобы прослушать все это еще раз. Чего он ждет от такого вечера? Какое наслаждение сулит ему знакомая вещь? В чем магия целомудренного искусства, не вооруженного ни гримом, ни декорациями, ни бутафорией, но в высшей степени способного волновать и трогать сердца?

Эти вопросы интересуют многих. Ширится круг читающих с эстрады и посещающих вечера художественного чтения; обогащаются, крепнут традиции, заложенные такими мастерами, как Качалов, Яхонтов, Рубен Симонов, Журавлев, Кочарян. Вот почему «Неделя» решила уделить особое внимание театру «одного актера».

Разговор о советских чтецах мы начинаем с анализа эстрадного мастерства Игоря Ильинского.

**С**АМУЮ большую известность Игорь Ильинский обрел на киноэкране. Нет уголка, где люди не смеялись бы над злоключениями дремучего бюрократа Бывалова, чиновника от искусства Огурцова. Да и другие ленты с участием Ильинского приносят радость тем, кто любит и ценит ис-

кусство комического. Однако в кино этот прекрасный артист все еще представлен несколько однобоко. Его воспринимают лишь как «смешного человека», в рамках которого Ильинскому давно тесно.

В Малом театре, где более двадцати пяти лет «прописан» Ильинский, его палитра богаче: разные роли — от острохарактерных, сатирических, таких, как Хлестаков и Юсов, Мальволио и Опискин, и до патетической по своей сути роли Акима во «Власти тьмы» — составляют диапазон актера. Но играет Ильинский сравнительно редко, особенно в последние годы, и его популярность как театрального актера не столь велика, как популярность в кино.

Но есть еще один Ильинский — мастер художественного чтения. Такого Ильинского, пожалуй, не все знают, и не все догадываются, как важна для него эта область творчества. Артист выступает чаще всего в небольших залах — в библиотеке имени Ленина, в Доме ученых, в клубе гумани-

тарных факультетов МГУ. Эти серьезные вечера — на любителя. Туда приходит публика, способная получать наслаждение от достаточно строгой, «академической» передачи Гоголя, Толстого, Чехова, Маяковского. А между тем как раз на эстраде та-

лант Ильинского раскрылся наиболее полно — полнее, может быть, чем в театре и в кино.

Это легко объяснить. Художественное чтение — искусство глубоко личное, если можно так сказать, персональное. Здесь актер не связан волей режиссуры, даровитостью и чуткостью партнеров. Ильинский не признает режиссуры на эстраде. В качестве чтеца он все делает сам: сам отбирает вещи для чтения, сам ими овладевает, по своему разумению толкует и выносит на суд зрителя тогда, когда считает работу законченной. Это очень ответственно, требует от исполнителя вкуса, взыскательности, но зато это и позволяет сказать людям именно то, что хочется сказать художнику.

Мы-то думали, что муза Ильинского — чаще всего гневная, обличающая; что с особенным удовольствием вздымает он «ювеналов бич», чтобы хлестнуть им по всякого рода людишкам — перестраховщикам, обывателям, дармоедам и пошлякам. А он, ока-

зывается, тянется душой к светлому и большому. Мы думали, что он только сатирик, а он еще и лирик, и добрый весельчак; и тихая скорбь ему не чужда, и даже на героические поступки способен порой его скромные и незаметные герои. Мы привыкли к тому, что он нас смешит, а он может и вызвать слезы, и навести на серьезные раздумья о жизни, и растрогать, и потрясти. На эстраде Ильинский «всякий», но, странное дело, как ни различные краски, которые он там применяет, а в каждой отдельной вещи есть что-то легко узнаваемое, неповторимо «ильинское». Личность творящего проступает сквозь облик его самых контрастных эстрадных работ.

Ильинский прожил большую жизнь на эстраде, и приемы его изменились. Когда-то он читал попроще, поглубже: смешное резко подчеркивалось, жест был избыточно живописен, театрален, слово окрашивалось слишком уж густо. С годами образные средства артиста стали тоньше и лаконичнее. Он обрел то редкое благородство стиля, которое делает вечера Ильинского заметным явлением нашей художественной культуры. Но вот это своеобразное «ильинское» начало было тогда и еще ярче сказалось теперь, когда репертуар актера стал особо вместительным.

Все, что читает Ильинский, он читает как бы «от себя», беря лишь то, что душевно близко ему, художнику. Вот «Старосветские помещики» Гоголя. Когда их читает Ильинский, вспоминаются слова Белинского: «Вы плачете о них, о них, которые только пили и ели и потом умерли!» Что хочет